№ 45. **В. ВОДОВОЗОВЪ: «Пропорціональные выборы или представительство меньшинства». Ц. 10 к.**
№ 46. **РИВСЪ: «Политическія права женщинъ въ Австраліи». Переводъ съ нѣмецкаго *П. Морозова.*— П. МИЖУЕВЪ: «Результаты предоставленія политическихъ правъ женщинамъ въ штатѣ Колорадо». Ц. 10 к.**
№ 47. **М. ОЛЕНОВЪ: «Государство и страхованіе рабочихъ». Ц. 10 к.**
№ 48. **ГУСТАВЪ ЭКШТЕЙНЪ: «Рабочій вопросъ въ современной Японіи». Переводъ съ нѣм. *Н. И. Секерина.* Ц. 10 к.**
№ 49. **ПАЙЕРЪ: «Колесоножка и Быстрозвонка». Сказка. Переводъ съ нѣм. Ц. 10 к.**
№ 50. **К. МАРКСЪ: «Кэри и Бастіа». Перев. съ нѣм. *А. Финна-Енотаевскаго.* «Марксъ объ искусствѣ». Очеркъ *А. Финна-Енотаевскаго.* Ц. 10 к.**
№ 51. **А. КОЛЛОНТАЙ: «Классовая борьба». Ц. 10 к.**
№ 52. **ЭМИЛЬ РОЗЕНОВЪ: «Томасъ Мюнцеръ — вождь крестьянъ». Перев. съ нѣм. *А. Шестаковой.* Ц. 10 к.**
№ 53. **Проф. М. КОВАЛЕВСКІЙ: «Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи». Ц. 10 к.**
№ 54. **Л. БУРЖУА: «Декларація правъ человѣка и гражданина». Перев. съ франц. подъ редакц. *Л. А. Рубакиной.* Ц. 10 к.**
№ 55. **КАРЛЪ КАУТСКІЙ: «Нашъ взглядъ на патріотизмъ и войну». Перев. съ нѣм. *Л. Неманова.* Ц. 10 к.**
№ 56. **Г. БЮХНЕРЪ: «Смерть Дантона». Драма. Перев. съ нѣмецкаго *А. Э-на.* Ц. 10 к.**

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ МАРІИ МАЛЫХЪ.

С.-Петербургъ, Садовая, 119, кв. 6.

Отдѣленія склада:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. — Т-во: «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

МОСКВА. — Книжный магазинъ «Трудъ», Тверской бульваръ, домъ Бахрушина.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ. — «Книжный музей», Большая Покровка.

ОДЕССА. — Книжный магазинъ Е. П. Распопова, Дерибасовская ул.

Дозв. ценз. СПб., 14 іюня 1905 г. Типографія Н. П. СОБКО, Почтамтская, 13.

Н
371
Кол.

А. КОЛЛОНТАЙ.

КЪ ВОПРОСУ О КЛАССОВОЙ БОРЬБѢ.

Библіотека
Маріи Малыхъ.
№ 51.—Цѣна 10 к.

А. КОЛЛОНТАЙ.

КЪ ВОПРОСУ О КЛАССОВОЙ БОРЬБѢ.

НХ
Н371

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня 1905 г.

502
24.

Типографія Н. П. Собко, Почтамтская, 13.

Волна ревизіонизма, все выше и выше вздымавшаяся за послѣднее десятилѣтіе, начинаетъ замѣтно падать. Кризисъ въ марксизмѣ привелъ къ неожиданнымъ для противниковъ ортодоксіи результатамъ: международнымъ Амстердамскимъ конгрессомъ санкціонирована строго ортодоксальная резолюція, не только принявшая всѣ теоретическія предпосылки марксизма, но и признавшая полную непригодность оппортунистической политики. Первымъ плодомъ побѣды «старой методы» надъ «новой» явилось объединеніе французскихъ коллективистовъ въ одну общую партійную организацію. Нельзя, однако, обольщаться надеждой, будто происшедшее подъ давленіемъ жизненныхъ условій объединеніе можетъ быть дѣйствительно прочнымъ; уже и сейчасъ между обѣими фракціями замѣчается треніе даже по вопросамъ чисто тактическимъ. Что же будетъ, когда дѣло коснется вопросовъ теоретическихъ, принципіальныхъ? Рознь между фракціями вѣдь не ограничивается одной тактикой, она идетъ значительно глубже, вытекая изъ философскаго міровоззрѣнія обѣихъ партій. Поскольку тактическіе принципы ортодоксіи исходятъ изъ ея теоретическихъ предпосылокъ, постольку же оппортунизмъ находитъ опору въ критическомъ идеализмѣ. Тѣсная связь, существующая

между критицистами и опортунистами, слишкомъ очевидна. Если бы оппортунизмъ извѣстной фракціи не вытекалъ изъ ихъ теоретическихъ заблужденій, ихъ позиція никогда не могла бы быть прочной. Но въ томъ то и дѣло, что оппортунизмъ, проповѣдующій сотрудничество классовъ какъ тактику, пытается обосновать свое практическое положеніе теоретическими предпосылками, оспаривающими основы ортодоксальнаго ученія. Вступая въ общую организацію со своими ортодоксальными товарищами, французскіе жоресисты и не думаютъ отрекаться отъ своихъ теоретическихъ предпосылокъ, точно такъ же, какъ не покидаютъ своей позиціи «критицистовъ» нѣмецкіе бернштейніанцы, продолжающіе на практической почвѣ работать за одно съ ортодоксальными товарищами. Поэтому, если мы желаемъ бороться съ оппортунистическимъ теченіемъ въ политикѣ, намъ необходимо прежде всего подвергнуть пересмотру тѣ основныя положенія, какія до сихъ поръ служили и продолжаютъ служить главнѣйшимъ обоснованіемъ тактики оппортунизма. Такого рода пересмотръ является нелишнимъ еще и въ виду переживаемаго нами въ Россіи серьезнаго политическаго кризиса. Въ эпоху, когда всѣ общественныя силы направлены къ достиженію одной и той же ближайшей задачи, весьма легко поддаться иллюзіи, будто сліяніе всѣхъ классовъ общества не только желательно, но и возможно. Теоретики «сверхъ-классовой» идеологіи громко вопіютъ о необходимости объединенія всѣхъ въ виду важности переживаемаго историческаго момента; практики же

ищутъ опоры въ идеалистической фразеологіи. И у насъ, какъ на Западѣ, примирительная политика найдетъ свое оправданіе и поддержку со стороны опредѣленной группы теоретиковъ; и у насъ пока еще слабая буржуазно-демократическая партія будетъ искать сближенія съ болѣе внушительной по силѣ и организованности партіей рабочихъ. Уже и сейчасъ замѣчается со стороны буржуазной демократіи попытки притягивать въ свои ряды рабочихъ и внушать имъ недовѣріе къ устарѣлой теоріи, опирающейся на принципъ классовой борьбы.

Въ виду этого намъ кажется нелишнимъ еще разъ повторить забываемыя въ пылу серьезнаго сраженія съ общимъ противникомъ основныя положенія ученія Маркса. Основы эти, несмотря на жестокіе нападки со стороны практическихъ оппортунистовъ и теоретизирующихъ критицистовъ, всегда служили путеводной нитью для ортодоксальныхъ учениковъ и позволяли имъ въ самые сложные и запутанные историческіе моменты найти вѣрный путь, приближающій къ конечной обще-пролетарской цѣли.

Пунктами, возбуждающими наибольшее разногласіе между научными и критическими послѣдователями соціализма, являются съ одной стороны его теоретическое обоснованіе, съ другой—практическое проведеніе въ жизнь принципа классовой борьбы. Классовая борьба, являясь реальной, дѣйствующей силой, должна, по мнѣнію ортодоксальной школы, опираться на опредѣленный экономическій базисъ; базисомъ этимъ служитъ вся теорія капиталистическаго развитія, разработанная марксистской школой. На эту то теорію и направляютъ свои нападки «критицисты», выступающіе въ партійной тактикѣ апологетами кооперацiи классовъ и защитниками идеи «соціальнаго мира». Это и понятно: доктрина историческаго матеріализма и теорія трудовой цѣнности являются теоретическимъ основаніемъ, классовая же борьба—de facto средствомъ, которое обезпечиваетъ проведеніе въ жизнь обще-пролетарской конечной цѣли. Если бы критицистамъ въ самомъ дѣлѣ удалось доказать, что капитализмъ при своемъ дальнѣйшемъ развитіи не содержитъ въ себѣ самомъ никакихъ тенденцій къ «изживанію»; что приспособляемость его растетъ и положеніе трудящихся массъ улучшается, а эксплоатація труда, несмотря на несомнѣнный ростъ капиталистическаго накопленія, умень-

шается, то въ такомъ случаѣ принципъ классовой борьбы потерялъ бы всякій raison d'être, и оппортунистическимъ стремленіямъ открывался бы широкій просторъ. Не было бы тогда преградъ для объединенія пролетаріата не только съ буржуазнымъ либерализмомъ, но даже съ «министерскимъ» соціализмомъ всѣхъ видовъ и формацій. Классовая борьба имѣетъ свое несомнѣнное и твердое основаніе только при существованіи тѣхъ тенденцій въ капиталистическомъ развитіи, какія были установлены Марксомъ. При ошибочности этихъ тенденцій классовая борьба не только перестала бы являться средствомъ къ завоеванію новаго міра, но и самый переходъ въ этотъ новый міръ потерялъ бы всякую научную послѣдовательность.

«Научное обоснованіе соціализма», по справедливому опредѣленію Розы Люксембургъ, «опирается на три явленія капиталистическаго развитія: прежде всего—на растущую анархію капиталистическаго хозяйства, обусловливающую неизбѣжность гибели капитализма; во-вторыхъ—на все возрастающее обобществленіе процесса производства, создающее позитивную основу будущаго соціальнаго строя, и въ третьихъ—на всеувеличивающуюся силу и классовое самосознаніе пролетаріата, являющіяся активными факторами предстоящаго переворота».

Игнорируя послѣдній активный факторъ, никогда не упускаемый изъ виду ортодоксальной школой, критическіе соціалисты направляютъ свои стрѣлы на экономическое обоснованіе теоріи «саморазрушенія» капитализма, подразумѣвая подъ этой теоріей такое свое-

образное положеніе вещей, при которомъ историческая необходимость, въ лицѣ производительныхъ силъ, должна явиться неумолимымъ фатумомъ и привести человѣчество, помимо его личнаго «хотѣнія», къ заранѣе предопредѣленному и уготовленному будущему. Обоснованіе соціальной эволюціи на факторахъ экономическихъ, даваемое марксистами, истолковывается критической школой, какъ проявленіе непозволительнаго фатализма и вѣры въ самодѣятельность производительныхъ силъ, какъ отрицаніе власти человѣка сознательно воздѣйствовать на ходъ историческихъ событій. Тщетно возражаютъ ортодоксы противъ взводимыхъ на нихъ напраслинъ; критическіе соціалисты опять и опять выдвигаютъ на сцену свои обвиненія, лишь только тактическія разногласія даютъ себя знать и требуютъ съ ихъ стороны теоретическихъ подкрѣпленій.

«Неизбѣжность экономической гибели капиталистическаго общества,—говоритъ Д-ръ Вольтманъ, экономистъ «критическаго» лагеря, въ своей статьѣ «Die wirtschaftlichen und politischen Grundlagen des Klassenkampfes» *), комментируя теорію саморазрушенія,—проявляется съ силой естественнаго соціальнаго закона; классовая борьба рабочихъ является сознательнымъ орудіемъ въ самоуничтоженіи капитализма; капитализмъ, по закону экономической необходимости, самъ въ своихъ нѣдрахъ вырабатываетъ соціализмъ, давленіемъ экономическихъ силъ вынуждая рабочій классъ къ осуществленію послѣдняго». Изъ этого пра-

*) «Soz. Monatshefte», 1901, № 5, стр. 363.

вильнаго опредѣленія Вольтманъ, однако, дѣлаетъ слѣдующее ошибочное заключеніе: «Поэтому, если Марксъ и отводитъ классовой борьбѣ извѣстную роль при разрушеніи капитализма и осуществленіи соціализма, то роль эта во всякомъ случаѣ — в т о р о с т е п е н н а я. Самосознаніе или воля людей, участвующихъ въ классовой борьбѣ, по существу суть самосознаніе и воля экономическихъ фантомовъ, управляемыхъ изъ-за кулисъ капиталистической міровой сцены естественно-экономическими законами. Здѣсь, слѣдовательно, можетъ быть константировано, что ученію Маркса свойственъ извѣстный соціальный фатализмъ». Д-ра Вольтмана, повидимому, убѣждаетъ въ этомъ также и утвержденіе, не разъ приводимое марксистами, что соціализмъ настанетъ самъ собою, (kommt von selbst); что рабочій классъ окажется «вынужденнымъ» ввести соціальный строй, не будучи въ состояніи поступить иначе («da sie gar nicht anders handeln können»). Для Вольтмана очевидно, что марксисты вѣрятъ въ предопредѣленіе. Конечно, если подъ предопредѣленіемъ подразумѣвать то, что школа научнаго соціализма съумѣла въ хаосѣ безчисленныхъ пересѣкающихся явленій выдѣлить наиболѣе сильно дѣйствующій факторъ и прослѣдить его воздѣйствіе на психику и волю людей; что она показала, какъ изъ комбинаціи однородныхъ стремленій и желаній создается опредѣленная групповая (классовая) психологія, заставляющая человѣчество добиваться осуществленія опредѣленнаго идеала-цѣли, — то въ такомъ случаѣ критицисты будутъ, безъ сомнѣнія, правы. Марксисты, дѣйствительно, утвер-

ждаютъ, что современному капиталистическому строю присущи такія тенденціи, которыя воздѣйствуютъ съ силой «естественнаго закона» на психику пролетаріата и содѣйствуютъ зарожденію и развитію въ его душѣ вполнѣ опредѣленнаго идеала, постепенно переходящаго въ жизненную цѣль. Передъ наиболѣе сильнымъ и многочисленнымъ классомъ современнаго человѣчества поставлена вполнѣ опредѣленная дилемма: либо осуществить намѣченную цѣль, либо погибнуть подъ гнетомъ развернувшейся во всю ширь капиталистической эксплоатаціи. Не надо быть пророкомъ и незачѣмъ вѣрить въ предопредѣленіе, чтобы угадать, который путь выберетъ рабочій классъ.

Этотъ то смыслъ и вкладываютъ въ выраженіе: «конечная цѣль придетъ сама собой» послѣдователи историческаго матеріализма, убѣжденные въ томъ, что конечный идеалъ (не его осуществленіе) вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ окружающихъ экономическихъ условій. Имѣются ли въ самомъ дѣлѣ, на лицо тѣ условія, какія способствуютъ зарожденію и укрѣпленію этого идеала въ рабочемъ классѣ, — это другой вопросъ, на которомъ здѣсь останавливаться не приходится. Сейчасъ важно лишь опредѣлить, имѣетъ-ли реальное основаніе упрекъ въ фатализмѣ, бросаемый марксистамъ критической школой, или же онъ навѣянъ ихъ пристрастнымъ толкованіемъ вопроса.

Противники марксизма въ своихъ заключеніяхъ дѣлаютъ постоянно повторяющуюся ошибку, смѣшивая подмѣченную Марксомъ въ общемъ процессѣ историческаго развитія закономѣрность явленій съ

«фатализмомъ», съ безвольнымъ подчиненіемъ человѣчества «высшимъ силамъ» (подъ которыми въ данномъ случаѣ подразумѣваются, конечно, не сверхъестественныя существа, а лишь бездушный механизмъ капиталистическаго производства). Критическіе же товарищи не могутъ возвыситься до чисто-научной точки зрѣнія на исторію и понять, что нахожденіе извѣстнаго закона въ историческомъ процессѣ вовсе не суживаетъ сферы человѣческой самодѣятельности. Признавая экономическій факторъ основнымъ на всемъ протяженіи исторіи, марксисты естественно ставятъ наступленіе и новаго строя въ непосредственную зависимость отъ опредѣленной комбинаціи производительныхъ силъ. Но равносильно-ли это утвержденію, будто производительныя силы сами собою, чисто механическимъ путемъ, приведутъ человѣчество безъ активнаго его участія къ ново-уготовленному строю? Экономическая структура общества, опредѣленное состояніе производительныхъ силъ являются лишь той матеріальной основой, той канвой, на которой живая сила — классовая борьба — вышиваетъ свои прихотливые узоры. Ортодоксальной школой отводится классовой борьбѣ при завоеваніи строя именно п е р в о е, а вовсе не вторичное мѣсто, какъ это желаетъ доказать Вольтманъ; хотя идеалы-цѣли и создаются экономическими условіями, но осуществленіе возникающихъ стремленій обезпечивается классовою борьбою. Эту мысль подтверждаетъ между прочимъ опредѣленіе теоріи саморазрушенія, даваемое Каутскимъ. «Теорія эта,—говоритъ онъ,—видитъ въ капиталистическомъ

способѣ производства тотъ факторъ, который толкаетъ пролетаріатъ на борьбу съ классомъ капиталистовъ, который вызываетъ численный ростъ, обособленность, интеллигентность, самосознаніе, политическую зрѣлость пролетаріата, который постоянно поднимаетъ его политическое значеніе и совершенствуетъ его организацію, какъ политической партіи, который, наконецъ, дѣлаетъ неизбѣжнымъ и его побѣду и, какъ результатъ ея, возникновеніе коллективизма» *). Какъ далеко подобное пониманіе основъ марксизма отъ того узкаго толкованія, какое даютъ ему критицисты, и отъ того «фатализма», въ которомъ постоянно упрекаютъ они ортодоксальную школу.

Великая незамѣнимая заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ найти реальное обоснованіе для объясненія классовой психологіи — этого главнѣйшаго орудія въ историческомъ процессѣ; что онъ указалъ на тѣсную связь, существующую между наличностью опредѣленныхъ соціально-экономическихъ отношеній и вытекающими отсюда классовыми идеалами и стремленіями. «Теорія Маркса, говоритъ Зомбартъ, представляетъ собою ту связь, какая существуетъ между начинающимъ безсознательно, инстинктивно образовываться пролетарскимъ идеаломъ и тѣми явленіями, какія въ дѣйствительности наблюдаются въ процессѣ экономическаго развитія» **). Идеалъ кол-

*) «Antikritik» etc. K. Kautsky, 1899, стр. 44.

**) «Sozialismus und soziale Bewegung im neunzehnten Jahrhundert». W. Sombart, 1897, стр. 44

лективизма продиктованъ наличностью извѣстныхъ соціально-экономическихъ отношеній; пролетаріатъ безсознательно, стихійно стремится къ его осуществленію, не нуждаясь въ соціальныхъ теоріяхъ Маркса и агитаціонныхъ рѣчахъ Бебеля, чтобы ощущать выгоды, связанныя для него съ наступленіемъ новаго строя. Если бы современныхъ экономическихъ условій не было на лицо, то никакая проповѣдь соціализма не подѣйствовала бы на массы и не могла бы подвинуть ихъ на завоеваніе будущаго; при исчезновеніи нынѣ дѣйствующихъ соціально-экономическихъ вліяній исчезъ бы и самый идеалъ коллективизма *).

Сопоставимъ съ этимъ глубоко-научнымъ и въ то же время жизненно-простымъ толкованіемъ исторіи соціальныхъ отношеній взглядъ новой критической школы, съ одной стороны стремящейся показать постепенное притупленіе острыхъ сторонъ капитализма, смягченіе гнета эксплоатаціи, съ другой же стороны — продолжающей вѣрить въ наступленіе новаго строя. Не скрыто ли уже здѣсь, въ этихъ самыхъ первыхъ основахъ критицизма какое-то странное противорѣчіе? Казалось бы, увѣровавъ въ ростъ общаго благосостоянія, въ постепенное смягченіе классового антагонизма, въ замѣну анархіи производства нормирующимъ вліяніемъ трестовъ и картелей, критицисты

*) У Зомбарта имѣется прекрасное психологическое обоснованіе того, почему при современныхъ условіяхъ производства въ умахъ рабочихъ долженъ былъ сложиться именно идеалъ коллективизма, а не какой либо другой.

должны были бы усомниться не только въ возможности осуществленія соціализма, но и вообще въ его необходимости и желательности. До этого вывода они, однако, не дошли и не доходятъ. Но, не найдя въ прежнихъ обоснованіяхъ (въ ростѣ анархіи производства и классового антагонизма, въ обобществленіи орудій производства) опоры для объясненія предстоящаго перехода нынѣшняго соціальнаго строя въ другой и въ то же время упорно признавая коллективизмъ за конечный идеалъ, критическіе соціалисты принуждены были выставить новыя, болѣе отвѣчающія ихъ метафизическимъ симпатіямъ, начала. И вотъ, на сцену явились «этическія» начала—двигатели человѣческаго прогресса. Начала эти якобы зарождаются въ человѣческой душѣ ранѣе ея первыхъ сознательныхъ проявленій и никакимъ образомъ не могутъ быть выводимы изъ внѣшней экономической обстановки; они имѣютъ свою исторію (такъ сказать—исторію человѣческаго духа), отличную отъ той грубой, матеріальной исторіи, которую только и признаютъ ортодоксы. Не этическіе идеалы, говорятъ критицисты, зарождаются и развиваются на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній, а наоборотъ, «экономическая необходимость опирается на этическія побужденія. Существующія въ настоящее время способы производства и фактическое отдѣленіе рабочаго отъ производительныхъ силъ требуютъ обобществленія послѣднихъ, такъ какъ только при такихъ условіяхъ можетъ быть удовлетворено требованіе моральнаго закона, согласно которому каждый членъ общества

должен разсматриваться, какъ самоцѣль, а не какъ простое орудіе» *).

Стало быть, коллективизмъ можетъ осуществиться не потому, что въ его осуществленіи заинтересованъ самый многочисленный классъ современнаго культурнаго человѣчества, а лишь для того, чтобы обезпечить торжество «высшихъ, этическихъ началъ». Другими словами, матеріалистическое толкованіе исторіи упраздняется, замѣняемое міропониманіемъ идеалистическимъ; основной экономическій факторъ устраняется и расчищается мѣсто для туманныхъ порывовъ въ область нравственныхъ долженствованій.

Въ этомъ обоснованіи соціализма, совершенно оторванномъ отъ реальнаго экономическаго базиса, дѣйствительно не остается мѣста для классовой борьбы (капитализмъ притупляется, классовыя противорѣчія сглаживаются и т. д.), и прежняя тактика, съ точки зрѣнія критицистовъ, естественно, оказывается неудовлетворительной. На этомъ настаиваетъ Бернштейнъ; того же добиваются французскіе соціалисты, предводительствуемые Жоресомъ. Ослѣпленный идеей «соціальнаго мира», очарованный мечтой демократическаго правительства, Бернштейнъ послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ германской соціалъ-демократіей на выборахъ 1903 года, рѣшился выразить свои сѣтованія на слишкомъ рѣзкое отдѣленіе соціалъ-демократіи отъ демократическаго элемента общества. Жоресъ заявилъ,

*) «Die wirtsch. und polit. Grundlagen des Klassenkampfes». Dr. Woltmann, «Sozial. Monatshefte»; 1901, № 5, стр. 368.

что «борьбу классовъ, которую мы фактически признали и теоретически провозгласили, эту борьбу классовъ мы тѣмъ не менѣе оставили въ сторонѣ, какъ не могущую опредѣлять нашего поведенія, нашей тактики, нашей каждодневной политики» *).

Вся дѣятельность Фольмара, этого несомнѣнно энергичнаго борца въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, за послѣдніе годы характеризуется желаніемъ затушевать, задержать классовой характеръ рабочаго движенія; онъ готовъ проповѣдывать пролетаріату умѣренность, разсудительность, взывать къ самообладанію, терпѣнію, самоотреченію и др. буржуазнымъ добродѣтелямъ, которыя якобы замѣняютъ собой стимулъ классовой борьбы. При такой политикѣ приспособленія общая цѣль дѣйствительно стушевывается, отходитъ въ далекое неопредѣленное будущее; соціализмъ же превращается въ формальный «догматъ вѣры». Весь споръ «ревизіонистовъ» и «анти-ревизіонистовъ» на партейтагѣ въ Дрезденѣ сосредоточивается главнымъ образомъ на вопросѣ о роли и значеніи классовой борьбы въ дальнѣйшей тактикѣ соціалъ-демократіи. Побѣда, какъ извѣстно, осталась во всякомъ случаѣ не за оппортунистическими элементами.

Мы имѣемъ уже не мало примѣровъ, показывающихъ къ чему приводитъ практическое проведеніе въ жизнь (насколько то позволяютъ существующія экономическія отношенія) проповѣди соціальнаго мира.

---

*) «Les deux méthodes». Conférence par I. Jaurès et J. Guesde à l'Hippodrome Lillois; стр. 10.

Политика приспособленія Фольмара въ Баваріи лишь доставила случай Крестьянскому Союзу при выборахъ въ 1898 году восторжествовать надъ соціалъ-демократіей; его же проповѣдь «мирнаго выжиданія» заставила соціалъ-демократію упустить удобный моментъ, чтобы силой вынудить баварское правительство къ расширенію избирательнаго права въ пользу рабочихъ. Во Франціи объединеніе пролетаріата съ министерскимъ соціализмомъ въ результатѣ дало лишь «призрачные» законы о рабочемъ днѣ и нормировкѣ стачекъ.

Приходится напомнить шаблонную истину: всегда и всюду реформы, направленныя ко благу пролетаріата, вызывались его сознаніемъ и энергіей. Ростъ мощи рабочаго класса служитъ лучшимъ двигателемъ въ вопросахъ преобразованій и улучшеній, проводимыхъ буржуазнымъ правительствомъ. Какъ бы ни демократизировалось послѣднее, оно при неприкосновенности существующихъ соціально-экономическихъ отношеній, никогда не будетъ въ состояніи удовлетворить запросамъ трудящагося населенія, потому что интересы эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ не идентичны, потому что самыя радикальныя стремленія капиталиста, хозяина-ремесленника и крестьянина не могутъ совпасть съ интересами пролетарія, подмастерія и батрака.

Послѣдовательное проведеніе въ жизнь идеи соціальнаго мира (еслибъ послѣднее даже и было осуществимо) привело бы лишь къ полному ослабленію и дезорганизаціи пролетаріата; сама жизнь показываетъ, что, когда идея эта проникаетъ въ тѣсные ряды ра-

бочихъ лидеровъ, она требуетъ неустанныхъ уступокъ со стороны рабочихъ, молчаливаго и терпѣливаго выжиданія благъ, даруемыхъ пролетаріату. Изъ грозной, боевой классовой организаціи соціалъ-демократія превратилась бы тогда въ обыкновенную «политиканствующую» партію, съ которой чрезвычайно легко было бы справиться путемъ громкихъ обѣщаній относительно будущаго и мелкихъ уступокъ въ настоящемъ.

Къ счастью, изученіе исторіи съ матеріалистической точки зрѣнія показываетъ, что такое явленіе невозможно; что такой антагонизмъ—не тактическій принципъ, а «несомнѣнный фактъ», какъ говоритъ Гедъ, стойкій французскій боецъ старой школы; что причина этого антагонизма глубоко коренится въ современныхъ экономическихъ условіяхъ, и что исчезнуть онъ можетъ лишь съ исчезновеніемъ самихъ этихъ порождающихъ его условій. Намѣренное отрицаніе со стороны критицистовъ тѣхъ тенденцій въ современномъ хозяйствѣ, которыя служатъ экономическимъ базисомъ, обусловливающимъ переходъ одного соціальнаго строя въ другой, проповѣдь «соціальнаго мира» и поощреніе оппортунистической политики, правда, могутъ временно уклонить рабочее движеніе отъ его прямого пути, могутъ повлечь за собою ошибки и заблужденія, задерживающія, тормозящія естественный ходъ этого движенія; но рано или поздно передъ пролетаріатомъ встанетъ роковой вопросъ: либо отречься навсегда отъ своей конечной цѣли—соціализма, либо вступить въ открытый бой со всѣми враждебными этой конечной цѣли силами, т. е. другими словами — снова вы-

ступить на путь «классовой борьбы». Масса тогда, какъ и теперь, будетъ безсознательно, стихійно стремиться къ осуществленію своего идеала, будетъ выбирать кривые пути, ошибочныя средства; но въ томъ то и заключается задача соціальнаго экономиста, чтобы разобраться въ многообразныхъ явленіяхъ соціально-экономическаго процесса и найти ту пружину, указать ту важнѣйшую тенденцію дальнѣйшей соціальной эволюціи, которая могла бы служить надежнымъ компасомъ при нахожденіи кратчайшаго пути къ намѣченной цѣли. Среди безчисленныхъ группъ соціалистически-настроенныхъ пролетаріевъ всѣхъ странъ, соціалъ-демократія одна обладаетъ этимъ компасомъ, она одна опирается на твердую почву реалистическихъ отношеній, не позволяя увлечь себя въ сторону неоспоримо-высокихъ, но къ сожалѣнію, безпочвенныхъ идеаловъ.

Соціалъ-демократія не боится узости своей классовой точки зрѣнія, сознавая, что въ этой узости и «прямолинейности» вся ея сила. Критическіе идеалисты, находящіеся въ поискахъ «вѣчныхъ идей», вѣчной «правды-справедливости», много и охотно толкуютъ объ этой узости, о необходимости расширенія идеала и замѣны односторонней классовой точки зрѣнія—идеаломъ общечеловѣческимъ. Эти экскурсіи въ область вѣчнаго и неизмѣннаго противополагаются «грубому» и «плоскому» матеріализму ортодоксовъ. Являясь апостолами «обще-человѣка» и «сверхъ-классовой» идеологіи, критицисты для подкрѣпленія своихъ доводовъ выдвигаютъ парадоксальныя утвержденія вродѣ

того, что «ослабленіе классового антагонизма и сближеніе между отдѣльными общественными группами» существенно обусловливаютъ собою «ростъ силы и сознательности классовой борьбы»; что «перекрещиваніе различныхъ общественныхъ группъ въ направленіи преобладанія группъ демократическихъ ослабляетъ групповую ограниченность и ведетъ къ постепенному выдѣленію обще-человѣка изъ-подъ толстыхъ пластовъ классовой ограниченности, покрывавшихъ его идеальную природу». На счетъ групповой ограниченности, «классовой точки зрѣнія» можно отнести только искаженіе идеологіи. «Всякая же истинная и справедливая идеологія есть апелляція къ идеальнымъ сторонамъ человѣческой природы, противъ групповой ограниченности; всякій шагъ въ идеальномъ развитіи человѣчества есть побѣда обще-человѣка надъ классовымъ человѣкомъ» *).

Стремясь, во чтобы то ни стало, доказать неизмѣримо большую цѣнность «обще-человѣческаго» по сравненію съ «узко-классовымъ», критицисты незамѣтнымъ образомъ подмѣниваютъ ясное и опредѣленное понятіе о классовой цѣли расплывчатымъ принципомъ «всеобщаго блага». Такая замѣна безспорно ведетъ къ шаткости и неустойчивости практической политики. Что собственно подразумѣвать подъ общимъ благомъ, и какими средствами добиваться осуществленія этого безспорно широкаго, но туманнаго идеала? Можетъ-ли,

---

*) «Критика историческаго матеріализма». Н. Бердяевъ. Міръ Божій, 1903, октябрь, стр. 19, 20, 22.

въ самомъ дѣлѣ, отреченіе отъ своихъ реальныхъ классовыхъ цѣлей, во имя сверхклассовыхъ идеаловъ оказать человѣчеству въ его цѣломъ дѣйствительную услугу?

Матеріалистическое пониманіе исторіи показываетъ, что въ общественномъ строѣ, основанномъ на классовомъ антагонизмѣ, абстрактнаго общечеловѣческаго идеала существовать не можетъ. Подъ давленіемъ экономическихъ силъ происходитъ расчлененіе всего общества на отдѣльныя, отличныя другъ отъ друга соціальныя группы, — причемъ объединяющимъ началомъ внутри каждой группы служитъ общность классовыхъ интересовъ. Самъ по себѣ классовой интересъ есть лишь отраженіе объективныхъ экономическихъ условій; онъ является «не идеальной нормой» классовой политики, какъ это утверждаютъ нѣкоторые критическіе идеалисты*), а необходимымъ жизненнымъ фактомъ,

---

*) Классовой интересъ... оказывается не естественно-необходимымъ фактомъ, а идеальной нормой. Во имя идеально понятаго классового интереса ты долженъ поступать такъ, а не иначе, — вотъ дѣйствительное содержаніе идеи классовой политики, которое открываетъ намъ анализъ понятія класса. А если такъ, ученіе о классовой политикѣ не имѣетъ никакого права противопоставлять себя соціальному идеализму или ученію о самодѣятельной роли соціальнаго идеала или долженствованія. Оно есть только отдѣльный случай этого долженствованія, частная его формула, которая подлежитъ обсужденію со стороны своего особаго содержанія, но совсѣмъ не является принципіальнымъ отрицаніемъ долженствованія вообще. («Отъ марксизма къ идеализму». С. Булгаковъ, 1904, стр. 295).

вытекающимъ изъ матеріальныхъ потребностей общества *). На опредѣленной ступени экономическаго развитія общества (именно когда производительныя силы перерастаютъ ими самими когда то установленныя тѣсныя, застывшія формы соціально-имущественныхъ отношеній) интересы той изъ соціальныхъ группъ, которая является позднѣйшимъ порожденіемъ существующаго общественнаго строя и которой въ силу этого отводится лишь подчиненное мѣсто, вступаютъ въ рѣзкое противорѣчіе съ имѣющимися на лицо соціальными отношеніями. Конфликтъ этотъ, отражаясь въ сознаніи общества, особенно той его группы, чьи интересы болѣе всего страдаютъ отъ существующихъ противорѣчій, выливается постепенно въ форму опредѣленной классовой цѣли-идеала. Поставленный идеалъ, требуя для своего осуществленія прежде всего устраненія современныхъ условій производства и отмѣны имущественныхъ ограниченій, уничтожаетъ попутно и идеологическія основанія, на которыя опиралось классовое самосознаніе предшествующей общественно-революціонной группы.

---

*) «Подавленный классъ, говоритъ Марксъ, есть необходимое жизненное условіе всякаго общества, основаннаго на классовыхъ противорѣчіяхъ. Освобожденіе этого класса ставитъ, слѣдовательно, необходимымъ условіемъ созданіе иного общественнаго строя. Чтобы приниженный классъ могъ освободиться, должна быть достигнута такая ступень, на которой существующія производительныя силы и дѣйствующія общественныя учрежденія не противорѣчили бы другъ другу».— «Das Elend der Philosophie...», стр. 163.

«Соціализмъ», говоритъ Энгельсъ, «есть по существу лишь отраженіе въ сознаніи людей конфликта, существующаго фактически; легко понять, что такое отраженіе возникаетъ прежде всего въ умѣ того класса, который всего непосредственнѣе страдаетъ отъ этого конфликта» *).

При современномъ капиталистическомъ строѣ наиболѣе страдающимъ, наиболѣе приниженнымъ классомъ является пролетаріатъ; ему, какъ классу угнетенному современной формой производства, вполнѣ естественно выставлять на своемъ знамени: уничтоженіе современнаго экономическаго режима и замѣну его новымъ, не оставляющимъ болѣе мѣста для классовой розни и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Такимъ образомъ выходитъ, что пролетаріатъ, преслѣдуя не абстрактную, а чисто классовую цѣль, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и интересамъ человѣчества въ его цѣломъ, такъ какъ борясь за свое соціальное освобожденіе, за измѣненіе въ свою пользу экономическихъ отношеній, пролетаріатъ ведетъ за собою и все человѣчество въ новый болѣе совершенный соціально-экономическій фазисъ. Въ настоящее время нѣтъ и не можетъ быть другого класса, чей соціально-экономическій идеалъ отвѣчалъ бы потребностямъ всего человѣчества въ той мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ идеалъ, созрѣвшій въ умахъ и сердцахъ рабочихъ. Идеалъ этотъ ставитъ своей задачей водвореніе не только такого экономическаго строя, который дастъ

*) «Social. utopique et social. scient.» Fr. Engels. 37.

значительно большій, по сравненію съ предыдущимъ, просторъ для развитія новой, болѣе современной формы производства, но и обѣщаетъ избавленіе отъ всѣхъ угнетающихъ современное человѣчество золъ. Что же касается до абсолютнаго сверхъ-классового идеала, то ортодоксальная школа безусловно отрицаетъ возможность его образованія въ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ классовъ *).

Возможность осуществленія такого идеала допустима лишь въ далекомъ будущемъ, когда выставляемый пролетаріатомъ идеалъ-цѣль обратится въ конкретную дѣйствительность.

Чѣмъ устойчивѣе и опредѣленнѣе будетъ пролетаріатъ проводить принципъ своего классового освобожденія, тѣмъ быстрѣе совершится переходъ и всего человѣчества въ этотъ новый соціально-экономическій фазисъ. Пока же всякая проповѣдь сверхъ-классовой идеологіи можетъ лишь затуманить опредѣленную конечную цѣль и уклонить пролетаріатъ отъ его прямого пути.

---

*) Такой идеалъ могутъ выдвигать «только идеалисты», для которыхъ центральной проблемой является не изученіе конкретныхъ явленій, не нахожденіе естественной закономѣрности въ соціально-экономической эволюціи человѣчества, а лишь метафизическіе вопросы, вродѣ слѣдующихъ: «чѣмъ опредѣляется соціальное долженствованіе; каково содержаніе этого соціальнаго идеала, сообщающаго качество справедливости и несправедливости отдѣльнымъ соціальнымъ стремленіямъ и поступкамъ; какова ихъ природа?» (Отъ марксизма къ идеализму»—С. Булгаковъ 1904, стр. 296).

Этого не хотятъ, не могутъ понять критическіе идеалисты. Принимая конечную цѣль, выставляемую пролетаріатомъ,—его идеалъ, имѣющій не только классовую, но и абсолютную цѣнность, они тѣмъ не менѣе не хотятъ удовлетвориться тѣми путями, какіе намѣтилъ еще Марксъ и которые являются, разумѣется, не «программными предписаніями», а нормальнымъ слѣдствіемъ послѣдовательной соціальной эволюціи.

Въ вопросѣ о выборѣ путей особенно отчетливо сказывается тѣсная связь, существующая между критическими соціалистами и оппортунистами: и тѣ и другіе (одни во имя «высшихъ этическихъ идеаловъ», другіе—ради достиженія осязаемыхъ партійныхъ выгодъ въ настоящемъ) стараются проповѣдью соціальнаго мира, отрицаніемъ рѣзкихъ переворотовъ, подмѣной жизненныхъ реалистическихъ интересовъ метафизическими проблемами смягчить естественный ходъ историческихъ событій. Ихъ старанія, однако, могутъ лишь отклонить человѣчество отъ его опредѣленнаго историческаго русла, могутъ только отдалить нормальный результатъ. А такъ какъ результатъ этотъ въ конечномъ счетѣ выгоденъ, главнымъ образомъ, пролетаріату, то, разумѣется, этому послѣднему нѣтъ никакихъ основаній уклоняться отъ своей прямой дороги ради идеаловъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ его классовой цѣли.

Не даромъ такіе испытанные борцы, какъ Гедъ и Лафаргъ, въ разгарѣ Дрейфусовскаго дѣла, предосте-

регали французскій пролетаріатъ отъ увлеченія «внѣклассовыми» идеалами; не даромъ говорили они, что тамъ, гдѣ пролетаріатъ протянетъ дружескую руку буржуазнымъ элементамъ, даже для защиты высшихъ этическихъ принциповъ, онъ всегда рискуетъ сдѣлать ложный шагъ, подорвать собственную силу, основанную на строгомъ разграниченіи классовыхъ стремленій. Увлекаемый энтузіастомъ Жоресомъ французскій пролетаріатъ забылъ свои собственныя тяжелыя невзгоды, забылъ истинныя причины антагонизма съ буржуазіей и, смѣшавшись съ рядами либеральныхъ буржуа, бокъ-о-бокъ съ ними сражался за возстановленіе абстрактной «правды-справедливости». Результатомъ получились: двусмысленная политика Милльерановскаго министерства и трагическія для рабочихъ событія въ Шалонѣ, Фурми и на Мартиникѣ *).

Пролетаріатъ жертвовалъ своими классовыми интересами ради торжества «высшихъ» принциповъ, но буржуазія не хотѣла, да и не могла отвѣтить тѣмъ же: временное затишье классовой борьбы послужило ей лишь для болѣе прочнаго утвержденія своего политическаго могущества. Если на всемъ протяженіи исторіи принципъ «соціальнаго мира»—это чисто пассивное орудіе—не былъ никогда въ состояніи замѣнить собою активнаго фактора борьбы классовъ, то

*) Въ то время, какъ соціалистъ Милльеранъ занималъ министерскій постъ, стачечниковъ въ Шалонѣ, Фурми и на Мартиникѣ усмиряли помощью военной силы съ давно невиданной во Франціи жестокостью, не останавливаясь даже передъ разстрѣливаніемъ рабочихъ-стачечниковъ.

тѣмъ менѣе пригоднымъ слѣдуетъ признать его при предстоящемъ переходѣ нынѣшняго соціальнаго строя въ слѣдующій.

У критицистовъ въ данномъ вопросѣ замѣчается непримиримое противорѣчіе теоріи и практики: выдвигая на первый планъ факторъ идеологическій, освобождая волю человѣка изъ подъ воздѣйствія внѣшнихъ экономическихъ силъ, критическіе соціалисты этимъ самымъ, якобы открываютъ самодѣятельности рабочаго класса, его активному отношенію къ созданію собственной исторіи, неизмѣримо большій просторъ, чѣмъ матеріалистическая школа, всюду видящая лишь закономѣрное взаимодѣйствіе внѣшнихъ экономическихъ (въ первой инстанціи) и внутреннихъ идеологическихъ (во второй инстанціи) силъ. Гг. критицисты вѣрятъ, что стóитъ человѣчеству «захотѣть», какъ слѣдуетъ, и всегда живущій въ его душѣ идеалъ «правды-справедливости» осуществится въ образѣ новаго, совершеннаго соціальнаго строя. Дѣло, стало быть, лишь въ силѣ «хотѣнія». Казалось бы, несмотря на различіе исходныхъ точекъ зрѣнія въ теоріи,—на практикѣ между критическими и научными соціалистами не должно бы быть разногласія: и тѣ, и другіе ждутъ осуществленія новаго строя лишь при активномъ отношеніи къ вопросу со стороны заинтересованнаго класса. Оказывается, однако, что у критицистовъ своя особая логика, и что то, чтó признается ими въ теоріи, является нежелательнымъ на практикѣ; имъ менѣе всего по душѣ слишкомъ стремительное, слишкомъ активное участіе пролетаріата въ общей

соціальной борьбѣ. Упрекая ортодоксальную школу въ фатализмѣ, въ томъ, что она вѣритъ, будто соціализмъ «придетъ самъ собою»; въ томъ, что она, игнорируя всѣ истинно живые факторы (каковы человѣческая воля, человѣческое хотѣніе), возлагаетъ всѣ свои надежды на слѣпую игру механическаго процесса производства,— критицисты, сами того не замѣчая, впадаютъ въ несравненно худшій фатализмъ. Предлагая пролетаріату забыть классовую рознь, выдвигая «сверхъ-классовую» точку зрѣнія въ теоріи, проповѣдуя терпѣніе и осторожность въ тактикѣ, они этимъ самымъ стараются свернуть пролетаріатъ съ пути активнаго завоеванія будущаго на проторенную дорожку пассивнаго подчиненія событіямъ. И тѣмъ не менѣе, критицисты вѣрятъ въ осуществленіе соціализма. Это ли не фатализмъ?!

Вѣрой въ торжество соціализма путемъ мира и обоюдныхъ уступокъ, вопреки предшествующему опыту исторіи, продиктована и вся тактика критицистовъ, не имѣющихъ, однако, строго опредѣленнаго плана дѣйствій и то и дѣло чувствующихъ, что почва ускользаетъ у нихъ изъ подъ ногъ, какъ только дѣло коснется практическаго проведенія въ жизнь ихъ теоретическихъ принциповъ. Они балансируютъ между государственнымъ и муниципальнымъ соціализмомъ, хватаясь то за кооперація, то за профессіональныя организаціи, видя въ каждомъ изъ этихъ средствъ вѣрнѣйшій и единственный путь къ соціализму. Въ ихъ системахъ нѣтъ стройности, нѣтъ единства; да ее и быть не можетъ тамъ, гдѣ система не опирается на твердые законы научной закономѣр-

ности. Единство критицистовъ сказывается лишь въ общемъ имъ всѣмъ страхѣ передъ «революціонизмомъ», другими словами — передъ сознательной, классовой политикой, и въ предпочтеніи «медленныхъ реформъ». Неопредѣленность и шаткость не только міросозерцанія, но и самой тактики критицистовъ, подтвердились событіями на соціалъ-демократическомъ съѣздѣ въ Дрезденѣ.

Послѣ бурныхъ филиппикъ противъ узости, односторонности и нетерпимости ортодоксальной школы «ревизіонисты» тѣмъ не менѣе отреклись отъ «ревизіонизма» и помирились съ прежней тактикой, основанной на принципіальномъ признаніи классовой политики.

Что бы ни говорили теоретическіе «критицисты» и практическіе оппортунисты, но «старая школа» обладаетъ, несомнѣнно, большей стройностью, большей гармоничностью въ сочетаніи теоріи съ практикой. Опираясь на матеріалистическое пониманіе исторіи, признавая главнымъ стимуломъ капиталистическаго производства непрерывное накопленіе, ортодоксальная школа заключаетъ отсюда, что, пока будетъ существовать капиталистическій строй, до тѣхъ поръ не можетъ прекратиться и эксплуатація человѣка человѣкомъ, несмотря на проповѣдь наигуманнѣйшихъ идей. При существованіи же эксплуатаціи неизбѣженъ и антагонизмъ между эксплуататоромъ и эксплуатируемымъ, между пролетаріемъ и собственникомъ,—неизбѣжна, слѣдовательно, и классовая борьба. Какъ бы широко реформы не захватывали общественной жизни,

какъ бы законодательство не стѣсняло эксплуататорскихъ поползновеній собственниковъ, фактъ купли и продажи человѣческаго труда въ цѣляхъ обогащенія единичной личности останется неизмѣннымъ. А пока на лицо будетъ этотъ фактъ, до тѣхъ поръ не смолкнетъ классовая вражда, до тѣхъ поръ то, что приноситъ выгоду пролетарію, будетъ наносить ущербъ капиталисту, и того, чего будетъ желать первый, будетъ, какъ гибели, бояться второй. Въ этой непрерывной войнѣ побѣда останется за тѣмъ, кто солидарнѣе, кто лучше организованъ, кто дальновиднѣе, кто способенъ принести временныя выгоды въ жертву конечной цѣли, кто, наконецъ, не боится послѣдствій своихъ собственныхъ шаговъ и стремится впередъ, не озираясь со страхомъ и жалостью на остающійся позади привычный «культурный мірокъ»,—созданіе буржуазно-капиталистическаго строя. Въ этомъ наступательномъ движеніи нѣтъ мѣста понятію «о соціальномъ мирѣ», нѣтъ мѣста сладкимъ вздохамъ объ общемъ благѣ, о самоцѣнности культуры; всякое промедленіе, всякое оглядываніе назадъ лишь отодвигаетъ, отдаляетъ осуществленіе конечной цѣли-идеала. Каждый новый шагъ, приближающій къ этой цѣли, является результатомъ активнаго воздѣйствія пролетаріата. Чѣмъ податливѣе будетъ пролетаріатъ; чѣмъ легче позволитъ онъ усыпить себя красивыми фразами о ростѣ соціальнаго мира и общаго благоденствія, тѣмъ тяжелѣе будетъ минута его вынужденнаго пробужденія. Ортодоксальные ученики во Франціи и Германіи знаютъ, что, несмотря на постоянные возгласы крити-

цистовъ о «вростаніи соціализма» въ капитализмъ, о притупленіи классовой розни, о необходимости «сверхъ-классовой» идеологіи, въ рукахъ пролетаріата остается одно лишь реальное орудіе, обѣщающее завоеваніе новаго міра, и орудіе это—классовая борьба, какъ жизненный фактъ, классовая политика, какъ тактическій принципъ.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]
АКАДЕМІИ